

18+

Альтер М.

Печать Тьмы

Альтер М.

Печать тьмы

«Издательские решения»

М. А.

Печать тьмы / А. М. — «Издательские решения»,

Библиотекарь Алексей Доронин находит древнюю книгу с печатью, открывающей врата в мир кошмаров. Став невольным «Смотрителем», он видит существ, жаждущих проникнуть в наш мир. Ценой рассудка и души он должен научиться быть не дверью, но Стражем на границе реальностей, пока тьма по ту сторону печати ищет способ прорваться навек.

© М. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая: Пыль и тени	6
Глава вторая: Истончающаяся грань	11
Глава третья: Каменное логово	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Печать тьмы

Альтер М.

© Альтер М., 2026

ISBN 978-5-0069-8873-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая: Пыль и тени

Тишина в отделе редких фондов была особой. Это не была живая, дышащая тишина леса или сонная тишина ночного города. Это была тишина забвения, густая и вязкая, как сироп, сотканная из запаха старинной бумаги, кожи переплетов и немой мудрости веков. Она давила на уши, заставляя привыкнуть к собственному сердцебиению, к шороху одежды, к едва слышному скрипу половиц под ногами. Алексей Доронин, главный библиотекарь отдела, давно сроднился с этой тишиной. Он считал ее своей союзницей, единственным истинно честным собеседником. В этом царстве замерзших слов не было места суете, глупым вопросам, раздражающему гулу чужих голосов. Были только он и книги. Молчаливые, терпеливые, полные тайн.

Алексей поправил очки и провел ладонью по стопке неразобранных папок, прибывших накануне из частной коллекции покойного профессора-востоковеда Арсения Волкова. Коллекция была небогатой, но хаотичной. Старинные карты с причудливыми рисунками на полях, кипы писем на немецком и латыни, несколько потрепанных фолиантов восемнадцатого века по алхимии — стандартный набор чудака-одиночки, увлеченного оккультизмом. Все это предстояло описать, каталогизировать, определить в соответствующие ящики и на полки, где это будет ждать своего, возможно, единственного за сто лет читателя.

Работа была монотонной, медитативной. Алексей погрузился в нее с привычным усердием, отключая все, кроме внимания к деталям. Штемпель, год издания, состояние переплета, пометки на полях. Его пальцы, длинные и тонкие, привыкшие к бережному обращению с хрупкими страницами, перелистывали бумагу с почтительным бесшумностью. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь высокое, узкое, пыльное окно, медленно полз по огромному дубовому столу, освещая клубящуюся в воздухе пыль, превращая ее в золотистую взвесь.

Так продолжалось несколько часов. Уже были разобраны карты и большая часть писем. Осталась последняя, самая объемистая картонная коробка, оклеенная потертыми обоями. Открыв ее, Алексей увидел не книги, а толстый слой упаковочной стружки. Он начал аккуратно разгребать ее, и его пальцы наткнулись на что-то твердое и угловатое, завернутое в грубый, похожий на мешковину, холст темного, почти черного цвета. Сверток был тяжелым, несоразмерно тяжелым для своего объема.

Развернув холст, Алексей замер. Перед ним лежала книга.

Она не была похожа ни на один экземпляр в его коллекции. Переплет был выполнен не из кожи, а из какого-то темного, плотного материала, напоминавшего древесную кору или высушенную, обработанную шкуру. Материал был холодным на ощупь, будто впитал в себя ледяной подвал, а не тепло библиотеки. На поверхности не было ни тиснения, ни золочения, лишь в центре крышки располагался странный символ. Он был выжжен или вырезан глубоко в материале. Это была не печать в привычном понимании, не герб и не вензель. Скорее, абрис, контур чего-то многоугольного и неестественного, с острыми, ломаными линиями, которые, кажется, не хотели укладываться в плоскости нашего мира. Взгляд соскальзывал с него, не желая воспринимать форму целиком. От символа исходило ощущение глубокой, нечеловеческой древности и... неправильности. Он был чужд, как узор на панцире неизвестного науке насекомого.

Книга не имела застежек, но крышка сидела плотно, будто приросшая. Алексей перевернул ее, пытаясь найти хоть какие-то опознавательные знаки — название, имя автора, год. Ничего. Корешок был гладким. Обрез страниц был неровным, шершавым, будто их рвали, а не резали, и они были окрашены в тот же грязно-коричневый, почти черный цвет, что и переплет. От книги исходил слабый, но стойкий запах. Не знакомый запах старой бумаги, плесени или кожи, а нечто иное. Горьковатый, терпкий, с примесью влажной земли, камня и чего-то слад-

ковато-гнилостного, что щекотало ноздри и оставляло неприятный привкус на задней стенке горла.

«Любопытно», — прошептал Алексей, нарушая тишину. Его голос прозвучал глухо и неуместно. Профессиональный интерес пересилил смутную настороженность. Что это могло быть? Самодельный дневник какого-нибудь мистика? Псевдоисторический артефакт, созданный для обмана коллекционеров? Но вес, материал... Они не вязались с подделкой. Подделки старались сделать легкими, изящными, привлекательными. Эта же вещь была грубой, тяжелой, отталкивающей.

Он положил книгу на стол прямо перед собой. Луч солнца упал на странный символ, и на мгновение показалось, что глубокие борозды, его составляющие, поглощают свет, вместо того чтобы отражать его, становясь еще темнее. Алексей снял очки, протер их платком, надел снова. Иллюзия рассеялась. Просто игра света и тени.

Его пальцы легли на холодную крышку. Он надавил. Крышка не поддавалась. Он попробовал поддеть ее ногтем — безрезультатно. Книга будто не желала открываться. Это разозлило его, библиотекаря, для которого не было закрытых книг. Он приложил больше усилий, уперся пальцами в торец страниц. Раздался тихий, сухой щелчок, похожий на звук ломающейся маленькой кости. Крышка откинулась.

Страницы внутри были не бумажными. Они были пергаментными, плотными, желтовато-серыми, испещренными письменами. Но это была не кириллица, не латиница, не арабская вязь и ни один из знакомых Алексею по каталогам алфавитов. Знаки были угловатыми, резкими, состояли из ломаных линий и острых углов, иногда прерывающихся странными, пульсирующими завитками, которые больше походили на схематичное изображение нервных узлов или внутренних органов. Текст местами прерывался рисунками, но какие это были рисунки! Искривленные, пугающие в своей геометрической неправильности наброски существ, не имеющих аналогов в природе. Тварей с множеством суставчатых конечностей, глазами, раскиданными по телу, пастями, разверзающимися в немыслимых плоскостях. Архитектура, изображенная на полях, нарушала все законы перспективы и физики; башни изгибались под невозможными углами, мосты вели в никуда, а фигуры на них были изображены в таких позах, от которых сводило желудок.

Алексей листал страницы медленно, с возрастающим отвращением и жгучим интересом. Он не понимал ни слова, но сам визуальный ряд источал безумие. Это был вопль на пергаменте, панический бред, запечатленный чьей-то дрожащей рукой. А между тем, рука эта была точна в деталях. Каждая чешуйка на отвратительном теле, каждый камень в кошмарной кладке были выведены с пугающей, почти фотографической четкостью. Безумие здесь было системным, продуманным, имело свою ужасающую логику.

В центре книги, на развороте, который явно был композиционным центром всего труда, он нашел то, что заставило его кровь похолодеть. На левой странице был изображен тот самый символ, что красовался на переплете, но здесь он был окружен сложной схемой, напоминающей астрологическую карту или чертеж механизма. Линии расходились от него, как трещины, связывая с рисунками чудовищ и безумных строений. А на правой странице... на правой странице был изображен человек. Вернее, его силуэт, стоящий в, судя по всему, библиотеке или кабинете. И из символа на левой страницы к этому силуэту тянулась тонкая, колючая линия. Под рисунком, единственный раз во всей книге, было несколько строк на ломаном, архаичном латинском языке, которую Алексей, знавший латынь на уровне, достаточном для каталогизации, с трудом смог разобрать:

«Смотритель Врат, чей взор коснется сей Печати, призывает Тень. Граница истончается. Твари Бездны чувствуют слабый свет разума и тянутся к нему. Он станет мостом, проводником, плотью для голодных снов. И врата, что держал он, откроются...»

Сердце Алексея бешено заколотилось. Он отодвинулся от стола, от книги. Бессмыслица. Бред сумасшедшего средневекового монаха, увлеченного демонологией. Таких манускриптов было немало. «Молот ведьм», «Ключики Соломона»... Эта была просто более изоцированной в своих художественных ужасах. Он попытался убедить себя в этом, но холодный пот на спине и дрожь в пальцах говорили об обратном. Текст не был простым описанием. Он был обращенным непосредственно к читающему. «Смотритель Врат... чей взор коснется...» Его взгляд коснулся. Он, Алексей Доронин, здесь и сейчас.

Он резко захлопнул книгу. Звук был громким, как выстрел, и эхом отозвался в пустом зале. Солнечный луч сместился, и книга теперь лежала в тени, ее зловещий символ почти неразличим в полумраке. Тишина, прежде бывшая союзницей, внезапно стала напряженной, выжидательной. Казалось, сама пыль в воздухе замерла в тревожном ожидании.

Алексей встал, решив убрать книгу подальше, в глухой запасник, а утром показать ее знакомому эксперту из университета. Возможно, это все-таки искусная мистификация XIX века. Он взял книгу — и в тот же миг почувствовал легкое, едва уловимое головокружение. Не тошноту, а именно смещение, как будто пол под ногами на мгновение стал мягким и покатым. В глазах потемнело. Он глубоко вздохнул, списав все на усталость, голод и впечатлительность от увиденных изображений.

Остаток дня прошел в тумане. Алексей механически закончил работу, убрал коробки, выключил свет в отделе и, не оглядываясь, вышел, плотно закрыв тяжелую дубовую дверь на ключ. Книга осталась лежать на столе. Он не смог заставить себя снова прикоснуться к ней.

Вечер был непримечательным. Он проживал один в маленькой квартире недалеко от библиотеки, и его быт был отлажен, как швейцарские часы. Ужин, чтение какой-то нейтральной исторической монографии, чай. Но что-то изменилось. Тишина квартиры, которую он всегда ценил, теперь казалась не комфортной, а пугающей. Он ловил себя на том, что прислушивается к звукам из-за стены, к скрипу половиц в пустой комнате, к гулу водопровода. Обычные, привычные шумы теперь несли в себе оттенок скрытого присутствия.

И потом, уже лежа в постели, в полной темноте, он увидел это впервые.

Он не спал, просто лежал с закрытыми глазами, пытаясь отогнать навязчивые образы из книги. И вдруг почувствовал, что в комнате стало... теснее. Не в физическом смысле, а в пространственном. Воздух стал гуще, тяжелее. Он открыл глаза, привыкая к темноте. Лунный свет слабо освещал контуры комода, дверной косяк. И тут, на белой стене напротив кровати, он увидел тень. От ничего. От того, чего не должно было быть.

Это была не четкая тень от предмета, а скорее, пятно более глубокого мрака, бесформенное, пульсирующее. Оно медленно колыхалось, как клубок черных лент на невидимом ветру. Алексей замер, не веря своим глазам. Он медленно повернул голову к источнику лунного света — окну. На подоконнике ничего не стояло, что могло бы отбросить такую тень. Он снова посмотрел на стену. Пятно стало более отчетливым. В его пульсации угадывался ритм, похожий на сердцебиение. И внутри него, в самой его гуще, мелькнул слабый, фосфоресцирующий зеленоватый отсвет, похожий на глаз, который на мгновение приоткрылся и тут же скрылся.

Алексей резко сел на кровати, и в тот же миг тень исчезла. Растворилась, будто ее и не было. На стене лежал лишь ровный лунный свет. Он включил свет, ослепший от яркости лампы. Комната была пуста, обыденна, безопасна. Сердце колотилось, стуча в висках. Галлюцинация. Переутомление. Следствие эмоционального потрясения от той дурацкой книги. Мозг, перегруженный кошмарными образами, решил пошутить. Так он убеждал себя, пока снова не лег и не выключил свет. На этот раз он не закрывал глаз, впиваясь взглядом в то место на стене. Тень не возвращалась.

Но сон не шел. Каждый шорох, каждый скрип дома заставлял его вздрагивать. Он чувствовал себя настороже, как зверь, учуявший хищника. И сквозь этот напряженный трепет в

сознании всплывали строки, которые он прочел: «*Твари Бездны чувт слабый свет разума и тянутса к нему...*»

Утро принесло облегчение. Яркий солнечный свет, звуки города за окном, привычный маршрут до работы — все это развеяло ночные страхи. «Нервы», — строго сказал себе Алексей, переступая порог библиотеки. В отделе редких фондов все было по-прежнему: тихо, пыльно, безмятежно. Книга лежала на столе там, где он ее оставил. Теперь, при дневном свете, она выглядела просто старым, пугающим, но безжизненным предметом.

Однако решимости прикасаться к ней не было. Алексей аккуратно завернул книгу в тот же холст и отнес в самое дальнее хранилище, в металлический сейф, где лежали самые ветхие и редко запрашиваемые документы. Он запер сейф на ключ, положил ключ в сейф в своем столе, и вздохнул с облегчением. Пусть лежит. Завтра он позвонит Михаилу, эксперту. А сегодня надо заниматься текущей работой.

Но отделаться от ощущения тревоги не удалось. Весь день Алексей чувствовал себя так, будто за ним наблюдают. Он ловил движения на периферии зрения — быстрое скольжение тени в конце стеллажа, мелькание чего-то темного за стеклянной дверью шкафа. Но, поворачивая голову, он видел лишь неподвижные ряды книг. Звуки тоже изменились. Тишина стала не такой глухой. В ней появились новые оттенки: тихий шепот, похожий на шуршание сухих листьев, едва слышный скрежет, будто кто-то точит коготь о камень где-то далеко, в стенах или под полом. Иногда ему казалось, что он слышит собственное имя, произнесенное на выдохе, с придыханием, откуда-то сверху, с галереи второго этажа.

К концу дня его нервы были натянуты, как струны. Он решил уйти пораньше. Собирая вещи, он почувствовал резкий, тошнотворный запах — тот самый, горько-сладкий запах книги, но теперь он витал в воздухе, слабый, но явный. Он шел оттуда, от дальнего хранилища. Алексей замер, прислушиваясь. И услышал. Тихий, монотонный, настойчивый *скребок*. Будто кто-то острым царапает металл изнутри. Скребок шел из-за двери хранилища.

Ледяной ужас сковал его. Он знал, что там никого не могло быть. Дверь была заперта, ключ у него. Он подошел к двери, не дыша. Скребок продолжался. *Скриип... скриип... скриип...* Нерегулярный, живой. Алексей медленно, дрожащей рукой, вставил ключ в замок. Звук прекратился. Он резко распахнул дверь.

В хранилище было пусто и тихо. Воздух стоял неподвижный, пыльный. Он подошел к металлическому сейфу. На его матовой поверхности, прямо на уровне глаз, были царапины. Свежие, глубокие царапины, идущие изнутри. Они складывались в тот самый многоугольный, ломаный символ с обложки книги.

Алексей отшатнулся. Разум отказывался принимать увиденное. Он захлопнул дверь хранилища, запер ее на ключ и почти бегом покинул библиотеку, не оглядываясь.

Той ночью кошмар стал явью.

Он проснулся от ощущения, что в комнате кто-то есть. Не просто присутствие, а враждебное, голодное внимание, уставленное прямо на него. Он лежал на боку, лицом к стене. И чувствовал, как за его спиной, в пространстве комнаты, что-то движется. Медленно, неслышно, нарушая законы физики, скользя не по полу, а сквозь сам воздух. Он услышал тихое бульканье, будто вода переливается через край сосуда, полного слизи.

Он не мог пошевелиться. Паралич сна? Но он был в сознании, он все чувствовал — и леденящий холод, исходящий от существа, и тот самый запах, теперь насыщенный и невыносимый. Он чувствовал, как оно приближается к кровати. Над ним сгустилась тьма, более плотная, чем окружающий мрак. Из нее на него смотрели точки флуоресцирующего зеленого света — не два, не три, а множество, беспорядочно расположенных. Они мерцали с разной интенсивностью, изучая его.

И тогда он *увидел* его — не глазами, а каким-то внутренним, пораженным ужасом зрением. Это была тварь из книги, сошедшая со страницы. Конгломерат длинных, костлявых,

многосуставчатых конечностей, покрытых чем-то вроде влажной, отслаивающейся коры; тело, лишенное симметрии, с выростами и впадинами, в которых пульсировали внутренние органы странных цветов; пасть, похожая на щель, разверзшуюся в самой ткани реальности, полная крючковатых, полупрозрачных отростков. Оно не стояло на полу, а как бы зависло в воздухе, его конечности иногда проходили сквозь спинку кровати или тумбочку, не задевая их, будто существо и предметы существовали в слегка разных плоскостях.

Оно наклонилось к нему. Холод стал невыносимым. Алексей почувствовал, как его разум, его сознание становятся мишенью. Некое щупальце, не физическое, а ментальное, тонкое и невероятно острое, проникло в его голову. Оно копалось в воспоминаниях, в страхах, в самых темных уголках его души, не с целью понять, а с целью *поесть*. Оно питалось его ужасом, его отчаянием, самой его человечностью, высасывая их, как сок.

И в этот момент, сквозь боль и ледяющий ужас, в его сознании вспыхнуло знание, пришедшее откуда-то извне, от самой твари или от той силы, что ее породила. Он понял. Книга была не просто описанием. Она была ключом. Печать на ней — не символом, а настоящей печатью, затвором, держащим незримую дверь между мирами. Его взгляд, его пристальное изучение, его попытка открыть ее — все это ослабило замок. Он стал «Смотрителем Врат», тем, кто невольно приоткрыл щель. И теперь существа из того, другого измерения, мира чистого кошмара и извращенной геометрии, почуяли свет его разума — слабый, но такой вкусный для них, вечно голодных, обитателей вечной тьмы. Они хотели не просто его убить. Они хотели использовать его, его восприятие, его самосознание как якорь, как точку опоры, чтобы разорвать ткань реальности и просочиться в этот мир, открыв врата настезь. Он был мостом. И они начинали переходить.

Щупальце отдернулось. Фосфоресцирующие глаза на мгновение вспыхнули ярче, выражая не то удовлетворение, не то нетерпение. Тварь отпрянула, ее контуры стали расплываться, таять в темноте. Холод отступил. Паралич отпустил. Алексей судорожно вздохнул, вскочил с кровати и включил свет.

Комната была пуста. Ни следов, ни запаха. Только он сам, стоящий посреди комнаты в холодном поту, с телом, дрожащим от пережитого ужаса, и с ледяной уверенностью в сердце: это не было сном. Это не было галлюцинацией. Кошмар пришел в его жизнь. И он, Алексей Доронин, своими руками, своим любопытством, впустил его.

Он подошел к окну, глядя на спящий город, укутанный ночным мраком. Огни фонарей казались такими хрупкими, такими ненадежными в этой внезапно ставшей безмерно огромной и враждебной вселенной. Он был больше не хранителем тишины и знаний. Он стал сторожем у врат, которые сам же и приоткрыл. И тьма по ту сторону уже стучала когтями по тонкой перегородке, отделяющей мир людей от вечного кошмара.

Глава вторая: Истончающаяся грань

Рассвет не принес облегчения. Он принес лишь холодное, ясное отчаяние, лишенное смягчающего тумана ночного ужаса. Алексей стоял у окна, куря одну сигарету за другой, хотя бросил курить пять лет назад. Найденная в дальнем ящике пачка была заветренной, табак отсыревшим, но едкий дым хоть как-то перебивал тот сладковато-гнилостный запах, который, ему теперь казалось, навсегда въелся в его обоняние, стал фантомным, но оттого не менее реальным шлейфом кошмара.

Он не спал ни минуты. Каждый звук — скрип дома, шум мусоровоза на улице, собственное сердцебиение — заставлял его вздрагивать, ожидая нового появления. Ожидая, что углы комнаты снова начнут течь черным сиропом, а из-под кровати протянется костлявая, многосуставчатая лапа. Но ничего не происходило. В этом была своя, изощренная пытка — ожидание гарантированного ужаса.

«Это не сон, — твердил он себе, глядя на пепел. — Это не галлюцинация. Это реальность. Новая, ужасная, но реальность».

Разум, отточенный годами работы с архивными документами, пытался анализировать, систематизировать катастрофу. Он вспоминал каждую деталь: книгу, символ, латинскую надпись, царапины на сейфе, тварь в спальне. Он выстроил цепь событий, как выстраивал библиографические ссылки. Вывод был однозначен и безнадежен: он стал точкой пересечения миров. Слабым местом в ткани бытия.

Что делать? Сжечь книгу? Он с ужасом представил, как от пламени взвивается не черный дым, а нечто иное, как в воздухе разверзается портал прямо посреди его квартиры. Выбросить в реку? Но она может быть найдена. Отдать кому-то? Это было бы преступлением хуже убийства. К тому же, часть его, самая темная и запуганная, шептала: книга теперь привязана к *нему*. Избавиться от нее не значит избавиться от Печати. Она была уже в его сознании, выжжена, как тот символ на переплете.

Ему нужны были знания. Он не мог бороться с тем, чего не понимал. И первым шагом был звонок Михаилу Игнатьевичу Голубеву, эксперту по редким манускриптам и старинным шифрам из университета. Человеку сухому, педантичному, абсолютно рациональному. Именно такой подход был нужен сейчас. Нужен был хоть какой-то якорь в привычном мире.

— Алло? — послышался знакомый, слегка хрипловатый голос.

— Михаил Игнатьевич, это Доронин. Алексей Доронин, из редкого фонда горбиблиотеки.

— А, Алексей! Здравствуйте. Редкий гость в эфире. Нашли что-то интересное?

— Вы не представляете, насколько. Мне... мне нужна ваша консультация. Срочно. По одному артефакту. Он... он не вписывается ни в какие известные мне категории.

В голосе Михаила Игнатьевича послышался профессиональный интерес.

— Опишите.

— Лучше увидеть. И... я не могу вынести его из отдела. Правила. Можете зайти сегодня? Чем раньше, тем лучше.

— Сегодня... У меня лекция до двух. К трем смогу быть у вас.

— Идеально. Спасибо. Жду.

Алексей положил трубку, чувствуя слабый проблеск надежды. Михаил разберется. Михаил найдет исторический аналог, объяснит происхождение, возможно, даже разгадает шифр. И тогда, зная природу явления, можно будет искать способ его остановить. Так он думал, отчаянно пытаясь игнорировать внутренний голос, который говорил, что то, с чем он столкнулся, лежит за гранью любой исторической науки.

Рабочий день в библиотеке стал для него испытанием на прочность. Привычная тишина теперь была наполнена невидимыми угрозами. Каждый темный проход между стеллажами казался лазейкой для чего-то иного. Тени, отбрасываемые статуей старинного философа у входа в отдел, казались слишком длинными и неестественно изогнутыми. Он ловил себя на том, что постоянно оглядывается, особенно на дверь в дальнее хранилище. Она была заперта. Ключ лежал у него в кармане, и он то и дело нащупывал его, словно оберег.

Коллеги заметили его состояние. Анна Семеновна, пожилая архивистка, спросила, не болен ли он. «Мигрень», — буркнул Алексей, отворачиваясь к полкам. Он не мог ни с кем делиться. Его сочли бы сумасшедшим. Или, что хуже, начали бы задавать вопросы, пытаться самим посмотреть на книгу. Он не мог этого допустить.

Он пытался заниматься рутинной, но пальцы не слушались, мысли путались. Взяв для описания обычную книгу XVIII века, он уставился на виньетку в ее начале — обычный растительный орнамент. И вдруг завитки листьев начали шевелиться на его глазах, изгибаться, принимая знакомые ломаные очертания, стремясь сложиться в тот самый символ. Он ахнул и швырнул книгу на стол. Та упала с глухим стуком. Анна Семеновна вздрогнула и укоризненно посмотрела на него. «Извините», — прошептал он, чувствуя, как горит лицо. Галлюцинации. Они усиливались. Граница между реальным и привнесенным начинала стираться даже при дневном свете.

Около часа дня он перестал бороться с желанием и, убедившись, что в отделе никого нет, подошел к двери в хранилище. Прислушался. Тишина. Он вставил ключ, медленно повернул. Дверь открылась со скрипом. Воздух внутри был ледяным и спертым, пахнущим не просто пылью, а затхлостью глубокого подвала, где никогда не бывает солнца.

Он подошел к сейфу. Царапины были на месте. Глубокие, безошибочные. Но теперь рядом с ними, будто каплями ржавой жидкости или чем-то более органическим, был нанесен еще один, меньший знак — несимметричная звезда с изломанными лучами. Знак, которого он не видел в книге. Это развивалось. Оно оставляло сообщения. Или метки.

Алексей не решился открыть сейф. Сама мысль о том, чтобы снова увидеть ту книгу, прикоснуться к ней, вызывала физическую тошноту. Он захлопнул дверь хранилища, запер ее на два оборота ключа и прислонился лбом к холодному дереву, пытаясь унять дрожь.

В три, как и обещал, пришел Михаил Игнатьевич. Он был невысок, плотно сложен, с седой, аккуратно подстриженной бородкой и внимательными, умными глазами за толстыми линзами очков. Он нес старомодный кожаный портфель, битком набитый блокнотами, лупами и фотоаппаратом.

— Ну, Алексей, показывайте ваше сокровище, — сказал он, потирая руки. — Вы меня заинтриговали.

— Оно... оно не здесь, — тихо сказал Алексей, оглядываясь. Отдел был пуст, Анна Семеновна ушла на обед. — В хранилище. И, Михаил Игнатьевич, я должен вас предупредить... Артефакт крайне необычный. Он производит... сильное впечатление. Даже отталкивающее.

Голубев усмехнулся.

— Мой друг, я держал в руках трактаты по средневековой хирургии с иллюстрациями, от которых кровь стынет в жилах, и манускрипты, написанные, судя по всему, настоящими параноидальными шизофрениками. Вряд ли вы можете меня чем-то удивить.

«Можешь, — мрачно подумал Алексей. — Еще как можешь».

Он провел его в хранилище. Холодный воздух заставил Михаила Игнатьевича нахмуриться.

— Сыровато у вас тут. Кондиционер бы не помешал.

Алексей молча подошел к сейфу. Эксперт сразу заметил царапины.

— Что это? Вандализм? — он наклонился, доставая из кармана лупу.

— Не совсем. Откройте сейф, — сказал Алексей, подавая ключ. Его руки дрожали.

Михаил Игнатьевич открыл тяжелую дверцу. Черный сверток лежал на полке. Он осторожно вынул его, развернул. При виде книги его брови поползли вверх.

— О-хо. Любопытно. Материал... не идентифицирую сразу. Напоминает обработанную кожу рептилии или, возможно, какой-то вид очень плотного пергамента, подвергнутого специфическому дублированию. И символ... — Он придвинул лупу к переплету. — Не геральдический. Не алхимический, по крайней мере, из известных мне систем. Очень примитивная, но в то же время сложная геометрия. Почти как кристаллическая решетка, но... живая. Искаженная.

Он положил книгу на небольшой столик для работы, который стоял в углу хранилища, и надел белые хлопчатобумажные перчатки. Алексей с облегчением отметил, что эксперт не попытается открывать ее.

— А теперь самое интересное, — прошептал Голубев и приоткрыл крышку.

Алексей невольно отступил на шаг, ожидая какого-то взрыва, вопля, материализации ужаса. Но ничего не произошло. Михаил Игнатьевич лишь тихо ахнул, погрузившись в изучение.

— Великий Боже... — его голос потерял профессиональную сухость, в нем послышалось настоящее потрясение. — Что за письмо? Это не руническое, не глаголица, не тайнопись... И рисунки... Алексей, вы видели эти рисунки?

— Видел, — хрипло ответил Алексей.

— Это... это не просто бред. Здесь есть система. Видите повторяющиеся мотивы? Эта многоугольная структура, — он ткнул пальцем в один из фонов, — она встречается на тринадцати страницах. А эти спирали... они, кажется, связаны с изображениями... существ. Это словно чертеж иного мира. Или его анатомический атлас. С абсолютно чуждой биологией и физикой.

Он листал страницы, бормоча под нос. Алексей с ужасом наблюдал, как на его лице сначала отражался чистый научный азарт, затем замешательство, и, наконец, та же самая оторопь и отвращение, которые он сам испытал вчера.

— Здесь, — Голубев нашел разворот с символом и силуэтом человека. — Латынь. Архаичная, с ошибками, но читаемая. «Смотритель Врат...» — он перевел отрывок вслух, и его голос стал тише и напряженнее. — «...станет мостом, проводником...» Мистическая чепуха, конечно, но какая выразительная! — Он попытался сохранить легкий тон, но не получилось.

Он продолжал изучать, фотографировать страницы на свой старый фотоаппарат, делать пометки в блокноте. Алексей стоял, чувствуя, как холод из книги и из самого воздуха хранилища проникает ему под кожу. Он заметил, что тени в углу комнаты, где не горела лампа, стали гуще, словно сгустились. Одна из них, у самого потолка, казалось, на миг оторвалась от стены и поползла в сторону, но когда он посмотрел прямо, она замерла.

— Михаил Игнатьевич, — наконец не выдержал Алексей. — Вы чувствуете... холод?

— В этом проклятом хранилище? Еще бы, — отмахнулся эксперт, не отрываясь от страницы с изображением чего-то, напоминавшего город-улей, ссоставленный из кричащих каменных лиц. — Знаете, Алексей, я должен забрать это для более детального изучения. У меня есть доступ к спектральному анализу, могу попробовать определить состав чернил, пергамента...

— Нет! — вырвалось у Алексея так резко, что Голубев поднял на него глаза. — То есть... нельзя. Правила. Неописанный, неучтенный артефакт. Он должен оставаться здесь.

— Глупости, я оформлю временный пропуск, все по закону. Эта книга... она может перевернуть наши представления о средневековом оккультизме!

— Она может перевернуть нечто большее, — мрачно сказал Алексей. — Поверьте мне. Ее нельзя никуда выносить. Она... опасна.

Михаил Игнатьевич снял очки, протер их, внимательно глядя на Алексея.

— Вы выглядите ужасно, молодой человек. И говорите как герой готического романа. Что на вас нашло? Вы что, верите в эту чушь про «Врата» и «Тварей Бездны»?

В этот момент погасла лампа над их столом. Не щелкнул выключатель, не перегорела лампочка — свет просто исчез, будто его поглотила тьма. Они остались в тусклом свете от лампочки у входа. Тени в углу ожили, поползли, сливаясь в одну массу.

— Что за... — начал Голубев, но не закончил.

Из темноты в дальнем углу хранилища донесся звук. Тот самый, булькающий, хлюпающий звук, который Алексей слышал ночью. К нему добавился тихий, скрежещущий шепот, в котором не было слов, только ненависть, голод и бесконечная, ледяная чуждость.

Михаил Игнатьевич замер, его лицо побелело. Он повернул голову к источнику звука. И увидел.

Там, где должен был быть угол, пространство исказилось. Стены будто разошлись, образовав нишу из густой, абсолютной черноты. И в этой черноте зашевелилось что-то. Сначала это были лишь тени, но они быстро набирали плотность, оформлялись в знакомые Алексею кошмарные очертания. На этот раз это было не одно существо. Их было несколько, меньших по размеру, похожих на гибрид паука и краба, с длинными, тонкими, костлявыми лапами, которыми они цеплялись за саму темноту, и с центральным телом, усеянным теми самыми фосфоресцирующими зелеными точками. Они выползали из черной ниши, как тараканы из щели, их хитиновые панцири с тихим щелканьем терлись друг о друга.

— Матерь Божья... — выдохнул Голубев, отступая и задевая стул. Его рациональный мир рухнул в одно мгновение.

Одно из существ повернуло к ним свой безликий, усеянный глазами «фасад». Зеленые точки вспыхнули ярче. Оно сделало резкий, скребущий звук, и его собратья начали медленно, но неотвратимо двигаться к столу, к книге, к людям. Их движения были резкими, угловатыми, неестественными, будто они передвигались не в трех, а в большем количестве измерений.

Алексей действовал на чистом инстинкте. Он рванулся вперед, схватил книгу с стола, чувствуя, как мерзкий холод пронзает даже перчатку, и захлопнул ее. В тот же миг свет над столом моргнул и загорелся снова. Существа на миг замерли, их очертания поплыли, стали прозрачными. Но они не исчезли. Они просто стали менее плотными, как будто потеряли часть своей якорной точки — возможно, открытую книгу.

— Бежим! — крикнул Алексей, хватая ошеломленного Голубева за рукав.

Они выскочили из хранилища, Алексей захлопнул дверь и с дрожащими руками запер ее на ключ. Из-за двери донесся яростный, визгливый скрежет — царапанье множества когтей по металлу и дереву. Потом — нарастающий, безумный шепот, который, казалось, исходил из всех щелей сразу. Затем звуки стали стихать, пока не исчезли полностью.

В отделе редких фондов стояла мертвая тишина. Михаил Игнатьевич Голубев, опершись о стеллаж, тяжело дышал, его лицо было пепельно-серым. Он смотрел на дверь хранилища, потом на Алексея, держащего черный сверток.

— Что... что это было? — его голос был хриплым шепотом.

— То, что изображено в книге, — коротко сказал Алексей. Он чувствовал себя ужасно, но в то же время в нем родилось странное, горькое удовлетворение: он не один. Теперь есть свидетель. Союзник, возможно. — Они реагируют на книгу. Особенно когда она открыта. Она... как фонарь в темноте. Или как приманка.

— Но они... они были здесь! В нашем мире! — в голосе эксперта звучала паника.

— Не совсем. Или не полностью. Они в щели. В том, что истончилось. Между нашим миром и их. Они проецируются. Но с каждым разом становятся плотнее. Чувствуете холод?

Голубев кивнул, потирая руки. Он все еще не мог отвести глаз от двери.

— Надо... надо позвонить в полицию. В спецслужбы, в армию, черт побери!

— И что мы скажем? Что в библиотеке завелись призраки из другого измерения? Нас сочтут сумасшедшими. Книгу конфискуют, начнут изучать. И откроют ее снова. И откроют по-

настоящему. Эти... твари... они хотят, чтобы ее открыли. Им нужен кто-то, кто будет смотреть, читать, впускать их в свой разум. Я уже стал таким человеком. А теперь и вы.

Голубев медленно опустился на стул, уставившись в пол.

— Печать тьмы... — прошептал он. — Так вы назвали бы этот символ?

— Да.

— Он работает как печать в обратном смысле. Не защищает, а запирает что-то внутри. И мы его сорвали, просто посмотрев. — Он поднял голову, и в его глазах, помимо ужаса, зажегся знакомый Алексею огонек исследователя, загнанный в тупик, но не погасший. — Нам нужно понять, как он работает. И как его восстановить. Или уничтожить книгу так, чтобы не вызвать катастрофу.

— Вы верите теперь? — спросил Алексей с горькой усмешкой.

— Я видел, — просто ответил Голубев. — Теперь я верю тому, что вижу. И, кажется, я втянул вас в худшую авантюру своей жизни. И свою собственную.

Они сидели в тишине отдела, слушая, как тикают старые часы на стене и как в водопроводных трубах что-то булькает — обычный, городской звук, который теперь казался зловещим.

— Книгу нельзя оставлять здесь, — наконец сказал Михаил Игнатьевич. — Если эти... существа... могут проявляться здесь, где она хранится, то они рано или поздно прорвутся. Или кто-то другой, вроде вашей коллеги, может наткнуться на нее. Надо забрать ее в место, где мы сможем ее изучать, не подвергая опасности других. И где мы будем подальше от людей.

— Куда? — спросил Алексей. Он был готов на все.

— У меня есть дача. В старом дачном поселке, почти заброшенном зимой. Там есть подвал, прочный, каменный. Мы можем устроить там лабораторию. У меня есть кое-какое оборудование. И книги... другие книги. По оккультизму, алхимии, демонологии. Я собирал их из профессионального интереса. Возможно, мы найдем там ключ.

Алексей кивнул. Это был план. Плохой, отчаянный, но план.

— А что делать с... этим? — он кивнул в сторону хранилища.

— Пока ничего. Дверь крепкая. Но я бы на вашем месте сегодня не задерживался. И... Алексей, будьте осторожны сегодня ночью. Если они нашли вас здесь, они знают, где вы живете.

От этой мысли по спине Алексея пробежал ледяной холод.

Они договорились, что Голубев заедет за ним на машине поздно вечером, когда стемнеет и вокруг библиотеки никого не будет. Алексей должен был дождаться его с книгой, завернутой в несколько слоев плотной ткани и упакованной в непромокаемый рюкзак.

Оставшиеся часы работы были пыткой. Алексей пытался вести себя нормально, но его нервы были оголены. Шорох страниц, который перелистывала Анна Семеновна, звучал как шепот. Стук ее чашки о блюдце — как удар молота. Он видел, как тени в дальних углах пульсируют в такт его сердцебиению. Один раз, поднимая голову, он увидел на галерее второго этажа, среди рядов книжных полок, высокую, тощую фигуру. Она стояла неподвижно, ее лицо было скрыто в тени, но он почувствовал на себе ее взгляд — тяжелый, липкий, полный нечеловеческого любопытства. Он моргнул — и фигура исчезла. Галлюцинация? Он уже не был уверен.

Наконец, библиотека закрылась. Коллеги разошлись. Алексей остался один, ссылаясь на необходимость доделать срочный каталог. Он сидел в своем кабинете, в крошечной тьме, не включая свет, и ждал. Рюкзак с книгой лежал у его ног, излучая холод, который пробивался даже через слои ткани.

Темнота в библиотеке ночью была иной, чем днем. Она была живой, насыщенной, враждебной. Он слышал звуки: тихие шаги где-то наверху, в читальном зале; шуршание, будто что-то большое и мягкое ползет по паркету в соседнем отделе; отдаленный, едва слышный плач, похожий на плач ребенка, но с невероятно фальшивой, театральной интонацией. Это были звуки-приманки, звуки-ловушки. Он крепче сжал в руке тяжелую металлическую линейку — жалкое оружие против того, что пришло.

Вдруг он почувствовал знакомое головокружение, смещение реальности. Воздух в кабинете стал тягучим, как сироп. На стене напротив, там, где висел портрет основателя библиотеки, тень от его рамы начала растягиваться, удлиняться, терять форму. Из нее стало сочиться что-то черное и маслянистое. Оно капало на пол с тихим шелчком, и каждая капля, падая, не растекалась, а сохраняла форму, пульсировала и медленно ползла к нему, оставляя за собой влажный, темный след.

Алексей вскочил, накинул рюкзак на плечо. Он не мог ждать здесь. Надо было выходить на улицу, к месту встречи. Он бросился к двери, распахнул ее.

Коридор за его кабинетом был погружен во мрак. Длинный, прямой, упирающийся в массивную дубовую дверь выхода. И по этому коридору что-то двигалось. Не одно существо, а множество. Тени на стенах шевелились независимо от источников света, сливаясь в движущуюся, колышущуюся массу. В воздухе висели сгустки мрака, похожие на медуз, медленно дрейфующие и испускающие слабое зеленоватое свечение. А в самом конце коридора, перед выходной дверью, стояла фигура. Та самая, тощая и высокая. Теперь на нее падал слабый свет из окна, и Алексей увидел, что у нее слишком длинные руки, почти до колен, а лицо... лицо было плоским, без черт, лишь впадина, где должен быть рот, и два темных, бездонных пятна на месте глаз. Оно просто стояло, блокируя выход.

Библиотека больше не была его убежищем. Она стала ловушкой, наполненной кошмаром, который просачивался из щели, пробитой им в реальности.

Он отступил в кабинет, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, дико оглядываясь. Капли черной субстанции уже доползли до середины комнаты и начали сливаться в небольшую лужу, из которой медленно поднималась костлявая, многосочлененная конечность. Окно. Оно было на втором этаже, но под ним был старый чугунный козырек над входом. Это был единственный шанс.

Алексей, не раздумывая, схватил стул и со всей силы швырнул его в окно. Звон разбитого стекла оглушительно прозвучал в тишине. Холодный ночной воздух ворвался в комнату. Кричащая сирена разбитой сигнализации взревела где-то на крыше. Это, казалось, ненадолго ошеломило тварей. Конечность из лужи дернулась и замерла, тени в коридоре заволновались.

Он перекинул рюкзак на грудь, подбежал к окну, отбивая оставшиеся в раме осколки полой рукава пиджака, и перелез через подоконник. Холодный ветер ударил в лицо. Внизу, в свете уличных фонарей, блестел мокрый от дождя козырек. Он прыгнул.

Удар о металл отозвался болью в ногах и спине, но он удержался, скатился по скользкой поверхности и спрыгнул на тротуар, приземлившись на колени. Сирена ревела, в соседних домах зажигались окна. Он вскочил, огляделся. Улица была пустыня. И тут он увидел фары — старый, темно-синий седан подруливал к библиотеке. Голубев.

Алексей бросился к машине, вскочил на пассажирское сиденье.

— Поезжайте! Быстро!

Михаил Игнатьевич, увидев его перекошенное от ужаса лицо, разбитые руки и рюкзак, прижатый к груди, ничего не спросил. Он резко тронулся с места, и машина рванула вперед. В зеркале заднего вида Алексей увидел, как в разбитом окне второго этажа, в черном квадрате, на миг показалась та самая высокая, тощая фигура. Она наблюдала за их бегством. Затем ее силуэт растворился во тьме.

Они ехали молча, только тяжелое дыхание Алексея нарушало тишину в салоне. Городские огни мелькали за окном, такие знакомые, такие обманчиво безопасные.

— Что случилось? — наконец спросил Голубев, не сводя глаз с дороги.

— Они были там. Всюду. Библиотека... она уже не наша. Она стала их форпостом.

— А сигнализация?

— Я разбил окно. Чтобы выбраться.

Голубев кивнул.

— Значит, они активизируются в темноте. Или в присутствии книги. Или обоих факторов. Нам нужно успеть до рассвета. Мой поселок в ста километрах.

Алексей откинулся на сиденье, закрыл глаза. Он был измотан до предела. Но сон был невозможен. Каждый раз, когда он закрывал глаза, он видел плоское, безликое лицо и бездонные глазницы, смотрящие на него из конца коридора. Он видел, как черные капли ползут по полу. Он слышал тот булькающий шепот.

Он открыл глаза и уставился в темноту за окном. Лес по обочинам дороги казался сплошной, непроглядной стеной. И ему вдруг показалось, что среди деревьев, в такт движению машины, мелькают какие-то огоньки. Не желтые, не белые, а тускло-зеленые. И они двигались. Сопровождали их.

Он не сказал об этом Голубеву. Не было смысла. Они оба знали, что это только начало. Они украли ключ от двери, которую сами же и приоткрыли. И теперь то, что было по ту сторону, не собиралось просто так отпустить свою добычу. Оно шло по следу. Оно было голодно. И оно хотело, чтобы дверь открылась настезь.

Машина неслась по темной дороге, увозя их из города, но не от кошмара. Кошмар был теперь с ними. В рюкзаке на заднем сиденье. И в их собственных, навсегда измененных, душах.

Глава третья: Каменное логово

Дорога превратилась в бесконечный туннель, пробитый слабым светом фар сквозь непроглядную темень ночи и стену безучастного леса. Алексей, прижав к груди рюкзак с книгой, чувствовал ее холод сквозь ткань и наполнение, словно от нее исходила не температура, а сама суть холода, выхолащивающая жизнь. Он не отрывал взгляда от бокового окна, где черные стволы сосен и елей мелькали, как частокол тюремной ограды. Иногда, на миг, между деревьями мелькало движение — слишком быстрое, чтобы разглядеть, слишком угловатое, чтобы быть зверем. И вспыхивали, гасли, плыли в такт движению машины те самые тускло-зеленые огоньки. Они не были отражением света фар. Они были живыми, внимательными, преследующими.

— Они следят, — хрипло проговорил Алексей, не в силах больше молчать.

Михаил Игнатьевич, крепко сжимавший руль, кивнул, не сводя глаз с асфальта.

— Вижу. Уже минут двадцать. Они не приближаются. Не отстают. Просто... сопровождают. Как эскорт.

— Или как погоня, которая знает, что мы никуда не денемся.

Он был прав. Ощущение было не просто погони. Это было ощущение кокона, паутины, в которой они застревали с каждой пройденной милей. Лес по сторонам дороги казался все более чужим, неестественно густым и безмолвным. Даже шум ветра в кронах не долетал до них, будто машина двигалась в звуковом вакууме, и лишь рев мотора нарушал эту гнетущую тишину.

— Далеко еще? — спросил Алексей.

— Свернем с трассы через пять километров. Потом грунтовка. Поселок в глубине, у старого карьера. Зимой там почти никто не живет, кроме Марфы — местной сторожихи, да пары тройки дачников-чудаков, которые зимуют. Идеальное место, чтобы не привлекать внимания.

«Чтобы не привлекать внимания людей», — мрачно подумал Алексей. А вот внимание нелюдей они привлекли сполна.

Он вздрогнул, когда прямо перед лобовым стеклом, в свете фар, промелькнула тень, ударившись о стекло с глухим шлепком. Но это была лишь крупная ночная птица — сова или филин, выскочившая из леса. Голубев выругался и слегка сбросил скорость. Однако после этого случая Алексей заметил, что зеленые огоньки в лесу участились, сблизились, будто возмущенные вторжением в их владения. А в воздухе, едва уловимо, запахло сыростью и тлением, тем самым знакомым горьковато-сладким запахом книги.

— Запах чуешь? — спросил он.

— Чую, — коротко бросил Голубев. — Он идет не от книги в рюкзаке. Он идет снаружи. Они меняют пространство вокруг себя. Заражают его.

Этот вывод, высказанный вслух, повис в салоне, наполненный новым, леденящим смыслом. Существа не просто преследовали их. Они изменяли реальность по своему подобию, растягивая свою чужеродную сущность, как пятно масла на воде.

Наконец, они свернули с асфальта на разбитую грунтовку, ведущую в лесную чащу. Машину начало мотать по ухабам и колеям, заполненным черной, жидкой грязью. Деревья сомкнулись над дорогой, образуя темный тоннель, в котором свет фар выхватывал лишь куски гнилых коряг, заросли крапивы и покосившиеся верстовые столбы. Зеленые огоньки теперь плыли прямо у кромки дороги, иногда показываясь между стволами так близко, что Алексей различал не просто точки света, а нечто вроде мутных, пульсирующих сфер, внутри которых копошилась тьма.

— Держись, — пробормотал Голубев, когда машина с грохотом преодолела особенно глубокую выбоину. — Еще пара километров.

Эти километры показались вечностью. Давление в салоне нарастало. Воздух стал густым, тяжелым для дыхания. Алексей почувствовал знакомое головокружение, то самое истончение реальности, которое предшествовало появлению тварей. Он обернулся и посмотрел в заднее стекло. Дорога позади них тонула во мгле, но в этой мгле, на некотором расстоянии, двигалось что-то крупное. Неясный, расплывчатый силуэт, который, казалось, не шел, а перетекал с места на место, пропуская стволы деревьев сквозь себя. От него исходило слабое, но зловещее мерцание, будто оно было соткано из гниющей флуоресценции.

— Михаил... сзади...

— Не смотри, — резко сказал Голубев. — Не смотри прямо. Периферийным зрением они менее... активны. Похоже, прямой взгляд, внимание — это часть механизма. Они питаются вниманием. Как и книга.

Алексей отвернулся, уставившись в спидометр. Но краем глаза он все равно видел это плывущее мерцание, эту невыносимую, чужеродную грацию движения.

Наконец, впереди мелькнули огни — не зеленые, а обычные, желтые, тусклые, но такие человеческие, такие родные, что на глаза Алексея навернулись слезы облегчения. Это были фонари на столбах, окружавших небольшой поселок. Вернее, то, что от него осталось: два десятка темных, покосившихся дач, пара кирпичных домов постройки шестидесятых, заброшенная котельная с обвалившейся трубой. Поселок спал мертвым, зимним сном. Только в одном окне, в самом конце единственной улицы, горел свет.

— Это дом Марфы, — пояснил Голубев, направляя машину к небольшому, крепкому сруб, стоящему на отшибе, почти у кромки старого, заполненного черной водой карьера. — Она знает, что мы едем.

Они подъехали к калитке. Дверь в дом открылась еще до того, как они заглушили мотор. На пороге стояла женщина лет семидесяти, высокая, прямая, как жердь, с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и с лицом, изрезанным глубокими морщинами, но не дряхлым, а жестким, словно высеченным из гранита. В ее руках была не лампа, а старинный, массивный керосиновый фонарь. Его свет выхватывал из темноты ее пронзительные, не по возрасту яркие глаза, которые сейчас сурово изучали подъехавших.

Голубев вылез из машины.

— Марфа, здравствуй. Спасибо, что ждала.

— Ждала, — коротко кивнула она, и ее взгляд перешел на Алексея, который, сжимая рюкзак, выбрался на хлипкий деревянный настил, заменявший тротуар. — Это тот, с бедой?

— Он самый. Помогите нам, старуха. Надо в подвал.

Марфа что-то пробормотала себе под нос, шагнула назад, впуская их в дом.

Внутри было чисто, аскетично и очень тепло — топились большая кирпичная печь. Пахло хлебом, сушеными травами и воском. Обычный, уютный, человеческий мир. После того, что они пережили, это было почти невыносимо. Алексей почувствовал, как его тело дрожит мелкой, произвольной дрожью — сброс адреналина, реакция на временную безопасность.

— Что за вами гонится? — прямо спросила Марфа, ставя фонарь на стол. Ее глаза не отрывались от рюкзака в руках Алексея.

— Ты не поверишь, — начал Голубев.

— Я видала в этой жизни всякое. Особенно здесь, у карьера. Говори.

И Голубев, опуская самые невероятные детали, но не скрывая сути, рассказал о книге, о странных явлениях, о том, что они видели в хранилище и на дороге. Марфа слушала молча, не перебивая, ее лицо оставалось непроницаемым. Когда он закончил, она долго смотрела на рюкзак.

— Принеси, — сказала она Алексею.

Он колебался.

— Это опасно. Может... призвать их.

— Не здесь, — уверенно сказала старуха. — Мой дом на хорошем месте стоит. Старые знали. Камни под фундамент особые клали. Не всякой нечисти сюда ход открыт. Показывай.

Алексей, посмотрев на Голубева, который кивнул, развязал рюкзак и извлек черный сверток. Развернув его на грубом деревянном столе, он отступил на шаг. Марфа приблизила фонарь. При свете керосинового пламени древний символ на переплете казался еще глубже, еще таинственнее. Старуха не прикоснулась к книге. Она лишь внимательно, долго смотрела на печать, водила ладонью над обложкой на расстоянии, будто ошупывая невидимое поле.

— Холодит, — констатировала она. — И крутит. Не по-нашему. Не отсюда эта вещь. И знак этот... я не знаю его. Но подобное видела.

— Где? — сразу спросил Голубев.

— Не на бумаге. На камне. В старом карьере. Там, где добычу вели до войны, а потом бросили, потому что люди стали с ума сходить да в шахтах пропадать. Есть там одна штольня, затопленная. Над входом, под водой, если светить, видно что-то вроде резьбы. Не наша резьба. И холод от того места идет, летом лед не тает. Местные обходят стороной. Говорят, там «нижний народ» живет. А по-вашему, по-ученому, может, и ваши твари.

Алексей и Голубев переглянулись. Совпадение? Или книга была не единственным «ключом»? Может, место карьера само по себе было тонким местом, слабой точкой в ткани мира, куда когда-то кто-то намеренно или случайно «встроил» такую же печать, пытаюсь запечатать дыру? А теперь он, Алексей, открыл другой затвор, и оба места резонировали?

— Надо смотреть книгу, — сказал Голубев. — Искать способ закрыть это.

— Подвал готов, — кивнула Марфа. — Спускайтесь. Я посторожу тут. Если что, крикните. И не открывайте книгу просто так. Держите при себе... это. — Она полезла в сундук и достала два небольших мешочка из грубой ткани, перевязанных бечевкой. — Соль, да железный гвоздь, да зверобой. Старая защита. Может, и поможет от малого. От большого — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.